

Философы в борьбе за мир

Казалось бы философы, следуя известной формуле Гегеля — “Сова Минервы вылетает с наступлением сумерек”, должны самыми последними просить слова, когда все страсти исторических событий утихли, и наступило время рассудительного анализа. Правда Гегель и сам не следовал своему принципу, бросившись рассуждать о “мировой душе” Наполеона буквально на следующий день после битвы под Иеной. Так и теперь философы, по долгу службы призванные анализировать не те или иные политические решения, а рациональные мотивы и аргументы, лежащие в основе их принятия, неожиданно вступили в дискуссию. В прессе теперь то и дело появляются публикации на злобу дня, апеллирующие не к Шредеру с Клинтон, а к Канту с Аристотелем. Характерно при этом, что война перемешала не только политические лагеря и партийные линии фронта — правая оппозиция солидаризуется с левой властью, а умудренные опытом холодной войны аналитики братаются с радикальными пацифистами. Похоже, что дала трещину и та привычная система координат, в которой прежде определяли себя философские школы и направления. На протяжении последних лет тридцати немецкая философская сцена была поделена, по крайней мере в области так наз. “практической философии”, т.е. этики, социальной и политической философии, условно говоря, между “кантианцами” и “гегельянцами”. В основных дискуссионных проблемах, таких как, например, обоснование нормативного характера морали и права, первые, как правило, делали упор на идеальных принципах коммуникации, рациональных процедурах, этических и социальных идеалах. Вторые, напротив, подчеркивали значение исторически возникших институтов, традиций и политических решений. В перспективе этой основной дилеммы создавались философские теории политики, права и нравственности — социально-критические или, как принято говорить, “контрафактические”, в одном лагере, консервативно-либеральные или “институционалистские”, в другом. Вплоть до специальных проблем, будь то “естественное право”, отношение экономики и политики, или теории государства, можно проследить эту противоположность нормативного должествования и реально функционирующей системы учреждений. Линии полемики были ясно прочерчены и не подвергались ревизии ни одной из сторон.

Теперь ситуация, похоже, переменилась. Общие теоретические установки, правда, еще сохраняются, но в конкретном случае рассуждения о войне диспутанты как бы поменялись местами. В одном из последних выпусков “Цайт” Юрген Хабермас (http://www.archiv.zeit.de/zeit-archiv/daten/pages/199918.krieg_.html) переплавляет свое социал-демократическое кантианство в почти что циничную апологию НАТОвской политики (См. изложение этого текста Хабермаса в настоящем номере “Логоса”. — *Ред.*). Кантовский идеал “вечного мира”, который должен наступить с установлением “всеобщего гражданского состояния”, оказывается уже не регулятивным принципом, служащим для корректировки политики, а реальным

состоянием, которое постепенно приходит на смену традиционному международному праву. “На повестке дня стоит трансформация права суверенных народов в право гражданина мира”. Хабермас расхваливает преимущества всеобщего космополитического состояния: “Непосредственное членство в ассоциации граждан мира будет защищать граждан государства от произвола собственного правительства”. И как раз война в Косово означает “скачок” на пути от классического международного права государств к “космополитическому праву общества граждан мира”.

Но даже мировое государство, обеспечивающее по Канту “вечный мир”, является правовой организацией, т.е. институтом опирающимся на действующее право. Пока же такого космополитического права не существует, приходится констатировать фактическое нарушение международного права. Но Хабермаса это не расстраивает. Поскольку право граждан мира существует еще в зачаточном состоянии, постольку НАТО “вынуждено предвосхищать будущее космополитическое состояние, которое вместе с тем оно стремится реализовать”. Здесь чудовищным образом перемешиваются абсолютные принципы с конкретными политическими действиями. Допустим, что по моральным соображениям космополитическое состояние признается конечной целью (хотя это весьма спорное утверждение). Но каким образом из этого следует, что конкретный военный союз нескольких (пусть даже и очень прогрессивных) государств может присвоить себе право реализовать такое состояние в отдельно взятом географическом регионе? Можно пойти еще дальше и допустить, что “цивилизованный мир” по взаимному согласию решит установить у себя идеальное космополитическое состояние, в котором действуют лишь права человека, а все права национальных государств отменяются. Беда только в том, что далеко не все захотят жить в таком космополитическом раю. Но Хабермаса и это не смущает. Он утверждает “неизбежность временного патернализма”, с которым НАТО убеждает неразумные народы в преимуществах “демократического общества граждан мира”. Так, шаг за шагом, теоретик свободы и категорического императива превращается в апологета самой варварской интерпретации тезиса “все действительное разумно”. Вопреки немецкой пословице он считает возможным “принудить людей к собственному счастью”.

Представители же другого — “гегельянского” — лагеря, при всей их реальной политической заинтересованности, обнаруживают, напротив, чувство морального такта, позволяющего им строго различать конечные идеалы и фактические решения. Нижеследующий текст Роберта Шпемана — одного из весьма значительных теоретиков морали и права в немецкой философии — являет собой пример анализа понятий, задействующего основные тезисы “институционалистов”. В центре внимания здесь оказываются принципы оправдания насилия в либеральной политической традиции. Последняя допускает лишь урегулированные правом формы насилия в ответ на совершенное нападение. Там, где оправдание насилия апеллирует к чисто моральным убеждениям, оно выходит за пределы, установленные законом, и неизбежно становится патерналистским. Насилие оправдывается тем, что оно

применяется в интересах самого насилуемого, который еще не дорос до самостоятельного осознания своих подлинных интересов. И поэтому в ожидании его будущего согласия оправдано его принуждение. Дьявольская логика такого морализма, аргументируют “институционалисты”, состоит, однако, в том, что, раз переступив границы легитимного в направлении утопии, он уже никогда не сможет вернуться в либеральные рамки, ибо с точки зрения опекуна, подопечный никогда не достигнет состояния необходимой зрелости. Противоядие от патерналистского подрыва либеральной политики Шпеман усматривает в разграничении моральных ценностей и действующих правовых норм, которое образует фундамент критической позиции, свободной от обычных схем политической идеологии, будь-то пацифизма или милитаризма. Тем самым, позиции поменялись местами: кантианские “нормативисты” оказываются во имя моральной утопии защитниками нынешнего статус кво, а гегельянские “консерваторы” во имя сохранения сложившегося правового состояния становятся критиками морализирующей политики и требуют строгого кантианского разделения “сущего” и “должного”. Интересно, будет ли учтено это обстоятельство тем, кто напишет в будущем новую “Критику практического разума”.